

Тайна доктора Мордехая Берга

09.01.2019 01(14624) *Биробиджанер Штерн*

«Мы родом из детства, словно из какой-нибудь страны...». Такую, по сути, максимум вывел Антуан де Сент-Экзюпери в «Маленьком принце». И у него, потомственного виконта, действительно было детство и была страна.

У израильтянина Мордехая Липовича Берга детства не было. А до трех лет он, уроженец украинского местечка Дунаевцы, именовался Василем Шаповалом. Об этом будущий доктор узнал, только перешагнув двадцатилетний возраст.

Садизм и никакого милосердия

Немцы вошли в Дунаевцы 11 июля 1941 года. И сразу же начались грабежи и убийства. Поначалу усердствовали только местные, потом к ним присоединились представители «нордической расы». В ноябре повесили 19 евреев. Несколько сердобольных украинских соседей попытались снять трупы и захоронить, но оккупанты не позволили. Заодно, в назидание жалостливым и милосердным, повесили и этих украинцев. Почти сразу же гитлеровцы организовали гетто, в которое согнали евреев из Дунаевцев и соседних местечек. В перенаселенных мазанках размещались сразу по несколько семей. Немцы вместе с местными подручными, которых именовали шуцманами, то есть полициями, не только расстреливали евреев, но часто заживо закапывали в районе леса Солонинчик. Жуткую смерть приняли около 2300 евреев, которых, по «рекомендации» местного инженера, живыми сбросили в фосфоритную шахту и замуровали вход. Потом садисты наслаждались криками, плачем и стонами не сразу умерших людей.

Во второй половине мая 1942 года в гетто Дунаевцев среди евреев, привезенных из местечка Зиньков, оказалась семья Шмуэля Вайнштейна, кузнеца по профессии. Его и других мужчин из гетто заставляли работать на железнодорожной станции. За тяжелый труд не платили и ничего не давали. Негде было раздобыть еду. Оккупанты позволяли только собирать объедки, да и тех было совсем мало. Многие умирали от болезней и голода.

В октябре 1942 года немцы и шуцманы убили почти 4000 евреев. Убийства всегда происходили по одной схеме. Работавшие вне гетто мужчины расстреливались первыми. Потом насильники, мародеры и убийцы принимались за оставшихся в гетто женщин, детей, немощных стариков.

Глава юденрата Шико Горен оказал убийцам сопротивление. Он набросился на немецкого офицера, командовавшего расстрелом, и попытался его задушить. Но украинский шуцман пришел немцу на помощь и застрелил Горена. Возле бывшего еврейского колхоза немцы расстреляли 68 человек из смешанных семей.

Погромы и ликвидации всегда происходили неожиданно, после того как взрослых мужчин угоняли на работы. В тот ноябрьский день, о котором и пойдет речь, предполагалось мужчин после работ не возвращать в гетто, а расстрелять. Планировалось уничтожение всех оставшихся в гетто евреев, независимо от пола и возраста.

Ночью, за три часа до начала ликвидации, в дверь лачуги, в которую поселили Вайнштейнов, тихо постучали. С немалой опаской евреи открыли дверь. На пороге стоял один из командиров местных шуцманов Гаврила Шаповал, односельчанин Вайнштейнов.

Оглядев взирающую на него в ожидании неминуемой беды еврейскую семью, Гаврила приказал Шмуэлю утром на работу не выходить. Помолчав пару минут, предупредил, что утро будет трудное.

Шаповал таким образом пытался спасти жизнь своему однокласснику Шмуэлю Вайнштейну, который за много лет до войны спас жизнь ему и всей его семье во время страшного пожара. Наверняка Гаврила хотел отплатить Вайнштейну добром за добро. При этом страшно рисковал. Немцы не щадили укрывателей евреев. Кем бы они ни были.

Семья Шаповалов проживала в Зинькове на отшибе местечка, но получила известность на весь район. Отец и старший брат Гаврилы были фельдшерами. В середине тридцатых годов их осудили к расстрелу как бывших петлюровцев. Вскоре умерла и мать. Оставшегося без родительской опеки юношу, который пошел по стопам отца и учился на фельдшера, поддержал друг семьи. За три года до войны Гаврила, которому тогда только перевалило за двадцать, женился. К началу формирования в районе немецкой администрации в семье молодого Шаповала уже росло трое детей. Младшему не было и трех лет.

Гаврилу мобилизовали в Красную Армию за десять дней до оккупации района. Но на фронт он не попал. Его часть, еще не полностью сформированную, разбили, и Шаповал оказался в плену. Большинство пленных украинцев немцы отпускали домой. Особенно в начале войны. В родном Зинькове Гаврила добровольно пошел во служение к оккупантам. Местом службы ему определили Дунаевцы.

Поединок Добра и Зла

Может быть, Шаповал полагал, что предупрежденный Шмуэль что-то придумает и его семья избежит смерти. Трудно сказать. Скорее, Добро, которое иногда совершенно неожиданно начинает поединок со Злом в душах даже отпетых негодяев, на какие-то мгновения может одержать победу.

Шмуэль понял ситуацию правильно: немцы и их прислужники готовят ликвидацию гетто. Евреям бежать из гетто было некуда. Шмуэль, его жена Роза и тесть Авнер приняли решение дать фашистам и их прихвостням последний бой. К родителям и деду хотели присоединиться старшие дети. Боруху исполнилось 11, а Риве 13 лет. Но что они смогут сделать, когда убийцы ворвутся в жилище? Еще был маленький Вольфичек, который не достиг и двухлетнего возраста.

Поэтому решили так: Шмуэль и Авнер встретят шуцманов, вооружившись топорами. Дети и Роза останутся за спинами мужчин. И пусть они все выбегут на улицу. Роза, конечно, с Вольфичеком на руках. В них будут стрелять. Тогда их смерть будет легкой.

Полицаи ворвались к Вайнштейнам на рассвете. Мужчины стояли у дверей, готовые оказать яростное сопротивление. Но два топора против винтовок – не самое грозное оружие. Шуцманы сразу начали стрелять. Первой же пулей свалили Шмуэля. Авнер успел раскроить башку одному мерзавцу и серьезно ранить другого, но и сам рухнул от удара ножом в самое сердце. Через несколько минут со всей семьей Шмуэля Вайнштейна бандиты покончили. Об этом они и доложили шуцманскому командиру Гавриле Шаповалу.

Позже полицаи докладывали немцам, разбиравшим «дело Гаврилы Шаповала», о странном поведении их командира после проведенной «рядовой акции». По их докладам, Шаповал вышел из опустошенной мазанки Вайнштейнов и потребовал подводу. И это при том, что большая телега с награбленным еврейским имуществом уже стояла рядом. Когда подводу наконец-то подали, на нее погрузили мертвых Вайнштейнов. Но, как оказалось,

не всех. Главы семьи среди них не было. Находившийся уже в сильном подпитии Гаврила Шаповал сказал, что Шмуэля увезла другая подвода.

И это тоже была неправда. Своего спасителя, раненного навывлет в грудь и потерявшего сознание, Шаповал сам успел отвезти к себе в хату. Его встретила жена, и они на пару внесли Шмуэля, закатанного в кошму, в сарай.

Свою фельдшерскую профессию командир шуцманов не забыл. С помощью жены он «латал» Шмуэля. В сознании Вайнштейна плохо укладывалось поведение Гаврилы Шаповала. Узнают немцы – смерть семьи неминуема. Собственно, так и вышло. За одним исключением.

В сарае, в котором скрывался Вайнштейн, наличествовал подвал. В нем был обустроен еще и подпол. В Гражданскую войну Шаповалы ховали там зерно от большевистской продразверстки. Никакой возможности согреться в сарае не было, и зиньковецкий кузнец постоянно ходил в тулупе, теплой шапке и валенках, которыми его одарили Шаповалы. И самое главное – у Вайнштейна был самозарядный пистолет системы «Браунинг» образца 1903 года. Это оружие отец Гаврилы в качестве трофея вынул из кобуры убитого им царского жандарма в самом начале Первой мировой войны.

Гаврила вручил Шмуэлю браунинг на тот самый случай, если его обнаружат. Во избежание захвата и неминуемых пыток он должен был совершить самоубийство. На всякий случай в восьмизарядном пистолете командир шуцманов оставил не один, а два патрона. Но ситуация сложилась неожиданная. И прежде всего для Шаповала.

Подчиненные ему полицаи, не обнаружившие труп Шмуэля, заподозрили своего прямого начальника в «страшном преступлении»: он сохранил жизнь еврею. Немцы, получившие такую информацию, немедленно стали разбираться.

И вот однажды под утро подлечившийся и скрывавшийся у Шаповалов Шмуэль услышал крики и выстрелы. Зимой светает поздно, но, выскочив из сарая, он разглядел полицаев, которые выбрасывали из хаты своего командира какое-то добро и грузили на подводы. Вайнштейн подобрался ближе и увидел болтающегося на дереве Гаврилу Шаповала. Его руки были связаны за спиной. В доме прозвучало еще несколько выстрелов, и кузнец из Зинькова рассмотрел мертвую жену Гаврилы, которую шуцманы выволокли на улицу.

Когда убийцы уехали, Шмуэль вошел в дом и на пороге едва не споткнулся о мертвые тела. Это были двое детей Шаповалов. Неожиданно Вайнштейн услышал не то писк, не то слабый стон. Когда взгляд Шмуэля упал на пол, он увидел находящегося в бессознательном состоянии ребенка. Его маленькая голова была окровавлена. Это был трехлетний Василек, младший сын супругов Шаповал. Шмуэль схватил мальчика, закутал в два одеяла, прихватил со стола еду и выбежал из дома.

Ночной гость

Вайнштейн знал только один адрес, по которому надеялся получить помощь. На другом конце села жила старуха Мавра Куц, у которой недавно два взрослых внука переехали в Проскуров (ныне Хмельницкий). Они не просто служили в шуцманшафте (нем. Schutzmannschaft), но имели более высокий ранг – преподавали на курсах охранной полиции.

Когда Мавра Куц поняла, с чьим ребенком пришел к ней Вайнштейн, расплакалась. Сказала, что не даст пропасть христианской душе.

Василек пробыл у бабки Мавры совсем недолго. Так получилось. Когда внуки ненароком заглянули в родную хату, бабка втюхала им такую байку: мол, мальчонка – внук подруги, дочь которой родила от немецкого офицера. Немец своего ребенка признал, а Василька, сына сожительницы от законного мужа-красноармейца, кормить не желает. И хотя вранье сработало, разоблачение бабкиной побасенки было делом времени. Любая случайность могла выдать и Мавру Куц, и Василька Шаповала.

Задерживаться в своем доме Мавра еврею Вайнштейну не позволила. Да и Шмуэль на такое гостеприимство не рассчитывал. Спасибо старухе, что одарила на дорогу съестным, бутылкой горилки, теплыми штанами, рукавицами, носками. И еще топором и спичками. С таким «набором» кузнец Вайнштейн смог устроить себе шалаш в лесу. Труднее было с пропитанием, которое надо было пополнять. Приходилось на дальних полях выкапывать мерзлую картошку. Бывало, сбивал и птицу.

Шмуэль надеялся встретить в лесу партизан. О них он слышал еще в гетто, но ни разу не видел.

И вот однажды днем, бродя по лесу, он услышал женские голоса. Затаился. На просеке стояла женщина средних лет, рядом с ней девушка и двое парней. Присмотревшись, Шмуэль узнал женщину. Нина Фридриховна Краузе работала в Зиньковецкой школе учителем немецкого языка. Ее брат, Борис, преподавал там же немецкий и французский языки. Их отец, немец по национальности, приехал из Польши и женился на украинской дивчине, ставшей их матерью. Все бы ничего, но Нина Краузе вышла замуж за еврея Бориса Израилевича Берга, учителя математики, который работал в той же школе.

У супругов родилось трое сыновей. Муж и старший сын в начале войны были призваны в Красную Армию. Сергей и Константин, младшие сыновья Нины и Бориса, как «полуевреи» попали в гетто. Нину никто в гетто не загонял, но она не пожелала бросать сыновей и пошла с ними добровольно. Правда, гетто она время от времени могла покидать. Именно благодаря «вольному режиму» ей удавалось через своего брата, которому позволили работать переводчиком, доставать какие-то продукты. Предупрежденная братом же о предстоящей акции в гетто, она с сыновьями бежала в лес. Они смогли захватить с собой и Симу Берг, племянницу, дочь родного брата Бориса Израилевича. Шмуэль заметил, что на беглецах была теплая одежда и вооружены они были вилами и ножами. Несомненно, брат Нины сильно постарался. Но о его судьбе ни Нина, ни племянники ничего не знали. В лесу они тоже соорудили шалаш, но холода переживали с трудом. Костры разжигали только днем и ненадолго, чтобы сварганить какую-нибудь еду.

Теперь образовался если не в прямом смысле партизанский отряд, то как-никак партизанская команда. И возглавил ее, понятное дело, Шмуэль Вайнштейн.

Однажды Шмуэль решил пойти на разведку в Дунаевцы и по дороге зайти к бабке Мавре проведать Василька. Дождавшись ночи, зиньковецкий кузнец приблизился к дому старухи. Недалеко от дверей стояли дровни – крестьянские сани без кузова, запряженные лошадей. На дровнях лежало несколько медвежьих шуб. Седоков не было, но понятно было, что сани готовы тронуться в путь в любой момент. Вскоре из дома вышел человек в форме шуцмана, сел в сани и умчался. Только тогда Шмуэль постучал в окно.

Мавра будто ждала его и тотчас же открыла дверь. И сразу запричитала: «Забирай Василька. Внуки мне верить перестали. Подозревают, что он еврей, а необрезанный потому, что его родители партийные». Такого поворота Вайнштейн никак не ожидал. Но Мавра повторяла, как заклинание: «Забирай хлопчика! Грех на душу брать не желаю!». У нее уже наготове была и торба с едой, одеялами, детской одеждой. Выхода у Вайнштейна

не было. Василька пришлось будить и одевать. И ребенок, будто понимая опасность, даже не хныкал.

Шмуэль взял закутанного в одеяла ребенка и с торбой за спиной вышел на улицу. И тут он увидел шапку из медвежьего меха. Она лежала на месте, где несколько минут назад стояли дровни. Несомненно, ее уронил полицаи, заглянувший к Мавре. Шмуэль поднял этот «подарок» и двинулся к лесу. С учетом ночного времени путь он решил пройти по протоптанной им же стежке-дорожке. Неожиданно Вайнштейн увидел впереди себя те самые дровни, которые стояли у Мавриной хаты. Сани двигались ему навстречу. Вероятно, шуцман обнаружил потерю шапки и возвращался за ней. Шмуэль хотел сойти с тропы, но понял, что убежать с ребенком не удастся. Держа Василька на левой руке, правой нащупал в кармане браунинг. Тут же перед ним выросла откормленная рожа шуцмана и он увидел наведенный на него автомат. Не вынимая из кармана правой руки, Вайнштейн дважды выстрелил в шуцмановское рыло. На всякий случай, опасаясь ответного выстрела, Шмуэль вместе с ребенком грохнулся в сугроб.

Теперь жизнь спасали минуты. Полицай успел дать очередь, но все пули ушли в заснеженную землю. Оставив на мгновение плачущего ребенка на снегу, Шмуэль вскочил на дровни к раненому шуцману и добил его рукояткой пистолета. Ситуация складывалась совершенно неожиданная. Прежде всего, он, как мог, успокоил Василька. Затем, вооружившись автоматом полицаи, но не выкидывая его труп из дровен, погнал их в лес.

Спасительные пропуска

Когда Шмуэль добрался до своих, особенного удивления появлению «юного партизана» Василька он не заметил. Больше изумление вызвал лежавший в санях труп здорового шуцмана. Шмуэль предполагал, что этот полицаи не был рядовым нацистским прислужником, потому что большинство из них были вооружены не шмайсерами, а винтовками разных образцов.

С убитого сняли мундир, обыскали. Глянули в документы. Точно! Оказался шуцманским командиром. Таким был и Гаврило Шаповал. Среди бумаг нашли подписанные аусвайсы (пропуска), которые для оккупированного населения выдавались без фотографий. Были и особо ценные зондер-аусвайсы, позволявшие перемещаться по разным районам. Нина Фридриховна вызвалась сопроводить с этими пропусками Симу и Василька к своей родной сестре, Арине Краузе, проживавшей вместе с мужем, немцем по национальности, в Каменец-Подольском. Нина уверяла, что муж ее сестры, Гюнтер Басс, ненавидит нацистов, но в силу обстоятельств вынужден работать под их началом главным инженером на электростанции.

Слова Нины показались Шмуэлю убедительными и он отпустил ее вместе с 16-летней Симой и Васильком. С Ниной могли двинуться к своей тетке и погодки Сергей и Костя, которым было соответственно 18 и 19 лет. Но парни категорически воспротивились, выразив желание вместе с Шмуэлем искать настоящих партизан. Только весной 1942 года «команда» Шмуэля, совершив до того несколько нападений на шуцманов, присоединилась к партизанскому отряду Антона Захаровича Одухи, будущего Героя Советского Союза, который действовал в районе Каменец-Подольского.

Нина Фридриховна вместе с Симой и Васильком оставалась в семье своей сестры и после освобождения Дунаевцев Красной Армией 31 марта 1944 года. Уже на следующий день Шмуэль разыскал дом семьи Басс-Краузе и встретился со ставшими ему самыми родными людьми.

Шестилетний Василек, называвший Симу мамой, а Нину бабушкой, не помнил своего спасителя. Муж и старший сын Нины Краузе погибли на фронте, а Сергей и Костя попали в засаду, устроенную немцами и шуцманами. Чтобы избежать захвата, они подорвали себя гранатами. Сима вскоре вышла замуж за одного своего дальнего родственника и однофамильца Леонида (Липу) Берга, который официально усыновил Василя. Все ее близкие родственники тоже погибли. Шмуэль Вайнштейн на какое-то время вернулся в Зиньков, а потом переселился поближе к семье Бергов. Через год после войны он женился на Нине Краузе. Неудивительно, что маленький Василь считал Шмуэля дедом.

В 1955 году Василий Леонидович Берг, получив среднее образование, попытался поступить в Харьковский медицинский институт, но недобрал баллов. Проработав год санитаром в больнице, сделал вторую попытку. И опять неудача. Тогда поступил в медицинское училище на фельдшерское отделение. Он тогда не знал, что его биологические отец и дед были фельдшерами. Вот такие удивительные совпадения подбрасывает жизнь.

Едва успел Василий Берг окончить училище, как его призвали в армию. Служил по специальности в Томской области. После демобилизации в 1961 году поступил в Томский медицинский институт (ТМИ), который тогда носил имя В.М. Молотова (ныне Сибирский государственный медицинский университет). Проучившись в этом вузе шесть лет, перевелся для завершения образования в Самаркандский медицинский институт (СМИ). И этому была серьезная причина.

Обращение в иудаизм

Василий считал себя евреем. Он знал, что мама старше его всего лишь на 13 лет, но не считал себя вправе интересоваться ее жизнью до официального замужества. Леонид, которого близкие называли Липа, его фактический отчим, относился к нему как к родному сыну. У Липы и Симы родилось еще трое своих детей – два мальчика и девочка. Никто из младшего поколения историю их нареченного брата толком не знал.

На дворе стоял июль 1967 года. Победа Израиля в Шестидневной войне, случившаяся месяцем ранее, воодушевила многих советских евреев, активизировала распространение сионистских идей. Семья Берг сионизма не чуралась. Старшие и младшие задумывались о репатриации на историческую родину. Посоветовавшись, Сима и Леонид решили рассказать Василию подлинную историю его происхождения. Понятно, что с бухты-баракхты такие признания не делаются. Не в один день, но Васе все рассказали. Конечно, для него это не могло не стать ударом! Но отношение к нему родителей (без кавычек!) не изменилось. И он продолжал относиться к ним как сын. А братьям и сестре такая информация не предназначалась.

Известие о своем нееврейском происхождении подействовало на Василия своеобразно. Если раньше он просто интересовался иудаизмом и историей евреев, то после «рассекречивания» принял твердое решение пройти гиюр – обряд принятия неевреем иудаизма.

В Томске он не нашел ни синагоги, ни молельного иудейского дома. Но в процессе их активного поиска познакомился с бухарским евреем, предки которого были насильственно обращены в ислам. В Средней Азии они назывались таджикским словом «чала» (в переводе «ни то ни се»). И этот представитель «чала», писавшийся узбеком, именно в Самарканде прошел процедуру гиюра и вернулся к своему народу.

Для Василия Берга, студента-отличника, перевод в СМИ особых трудностей не представлял. После прохождения гиюра Василий принял имя Мордехай и отчество

Липович. В Самарканде он встретил и свою любовь. Вместе с ним на курсе училась Жанна Марголина. Ее родители, тоже врачи, Сара Исраилова, бухарская еврейка, и уроженец Украины Абрам Марголин, познакомились в начале войны на фронте. Свадьбу играли в двух городах – в Самарканде и Каменец-Подольском. За свадебным столом места родителей жениха занимали Сима и Липа, а Шмуэлю и Нине оказывался почет как бабушке и дедушке.

После свадьбы молодые предпочли жить в Узбекистане. Никто не сомневался, что из среднеазиатских республик репатрироваться в Израиль легче, чем из Украины. В 1976 году, когда Мордехай и Жанна Берг были уже родителями трех детей, они выехали на историческую родину. С ними совершила «алию» (переезд в Израиль) и семья родителей Жанны. Семья Симы и Липы Берг репатрировалась только в 1988 году. Вместе со всем младшим поколением.

Шмуэль Вайнштейн и Нина Краузе тоже ступили на Землю Израилеву. Но возраст и военное лихолетье сделали свое дело: вскоре они друг за другом ушли в мир иной.

Мордехай и Жанна проработали в Израиле врачами более 30 лет. Они воспитали пятерых детей, трое из которых тоже стали врачами. Дождались внуков и правнуков. Мордехай Берг умер в Хайфе в ноябре 2018 года. Жанна сегодня проживает в том же городе.

Эпилог

Автор этого очерка благодарен судьбе, подарившей ему встречи с замечательным доктором и человеком Мордехаем Бергом. Мы много говорили на разные темы. Мордехай Липович знал, что я обязательно напишу о его судьбе, о тех, кто спас его и сделал жизнь осмысленной. У него было две просьбы: осуществить публикацию после его смерти и, хотя бы немного, изменить имена и фамилии действующих лиц. Разумеется, эти просьбы я выполнил.

Что касается когда-то еврейского местечка Дунаевцы, то в Википедии сообщается: «После освобождения несколько еврейских семей вернулись в Дунаевцы. В 1948 году собирался нелегальный миньян. В память жертв Холокоста в Дунаевцах на кладбище Нью-Йорка в 1965 году был возведен мемориал. В 1970-х и 1980-х годах большинство евреев репатриировались в Израиль и эмигрировали в США. С 2013 г. евреи в Дунаевцах не проживают». В Зинькове также евреи не живут.

Автор: Захар Гельман, Реховот